

УДК 94 (47).04-06

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.6.37.51>

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ, СОХРАНЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ФОРТИФИКАЦИИ ПОГРАНИЧЬЯ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВВ.

© 2023 г. Э.Л. Дубман

В статье подведены итоги изучения формирования полевой фортификации Южного Средневолжья и прилегающих к нему территорий Нижнего Поволжья в конце XVI – 30-х гг. XVIII в. В этот период в регионе была создана целостная система оборонительных сооружений, обеспечившая условия для его земледельческо-промыслового освоения. В последние годы значительно вырос интерес историков к изучению данной проблематики, расширилась ее источниковая база. Это позволило существенно изменить представления о военно-фортификационной системе Южного Средневолжья. Появилась возможность выделить основные этапы ее складывания, рассмотреть особенности каждого из них, начиная от создания засечных черт в конце XVI – начале XVII вв. и заканчивая возведением протяженных укрепленных линий в Заволжье в 1730 г. Сделан вывод, что на каждом из таких этапов региональная полевая фортификация формировалась в тесной связи с аналогичными процессами, происходившими в целом в Европейской части России. В статье на протяжении длительного лонгитюдного периода показана эволюция отечественной модели полевого военного зодчества. Особо отмечено сильное западноевропейское влияние на нее, проявившееся при возведении Украинской и Новой Закамской линий. Конкретное изучение данной темы позволяет утверждать, что сохранившиеся в Южном Средневолжье объекты фортификационного искусства имеют особую значимость для сохранения исторической памяти современного населения региона, формирования его историко - культурной идентичности.

Ключевые слова: археология, Южное Средневолжье, фортификация, засечные черты и линии, западноевропейское влияние, форпосты, гарнизоны, Петр I, Г.С. Кропотов, Заволжье.

ON THE QUESTION OF STUDYING, PRESERVATION AND POPULARIZATION OF FORTIFICATION SITES OF THE SOUTHERN MIDDLE VOLGA REGION BORDERLAND OF THE LATE XVI – EARLY XVIII CENTURIES

E.L. Dubman

This paper presents the results of the study of the field fortification formation in the Southern Middle Volga and adjacent territories of the Lower Volga region at the end of the XVI – 30s of the XVIII century. In this area an integral system of defensive structures was created during this period, which provided conditions for its agricultural and commercial development. In recent years, the interest of historians in the study of this issue has grown significantly, its source base has expanded. It has allowed to change significantly the ideas about the military fortification system of the Southern Middle Volga region. It became possible to identify the main stages of its formation, to consider the peculiarities of each of them, starting from the creation of Zasechnaya lines in the late XVI – early XVII centuries and ending with the construction of extended fortified lines in the Volga region in 1730. It is concluded that at each of these stages, the regional field fortification was formed in close connection with similar processes taking place in the European part of Russia as a whole. The author presents the evolution of the Russian model of field military architecture over a longitudinal period. The strong Western European influence on it, manifested during the construction of the Ukrainian and New Zakamskaya lines, was particularly noted. A concrete study of this topic allows us to assert that the fortification art sites, preserved in the Southern Middle Volga region, are of particular importance for preserving the historical memory of the population of the region, the formation of its historical and cultural identity.

Keywords: archaeology, Southern Middle Volga region, fortification, Zasechnaya lines, Western European influence, outposts, garrisons, Peter I, G.S. Kropotov, Trans-Volga region.

Проведенные в последнее время масштабные исследования памятников полевой фортификации, возведенных в конце XVI – начале XVIII вв. в Южном Средневожье, позволили существенно расширить и пересмотреть ранее бытовавшие представления об основных направлениях государственной политики освоения этого региона. Появилась возможность лучше понять и представить своеобразие сложившейся здесь совокупности засечных черт и линий, локальных укреплений (Линии роста..., с. 64–73, 288–307, 356–377). Среди современных историков, занимавшихся этой проблематикой, следует особо отметить работы Т.И. Лавриновой, С.А. Иванюка, В.А. Тихонова, Е.В. Пашиной и ряда других (Лавринова, 2012; Иванюк, 2021, с. 41–52; Тихонов, 2016, с. 312–347; Пашина, 2014, с. 146–175).

Изучение отдельных составляющих указанной фортификационной системы позволяет считать, что она являлась своеобразным каркасом, скрепляющим региональное пространство в единое целое. В каждый исторический период строительства укреплений их технологические и конструктивные особенности, специфика сочетания традиционализма русского военного зодчества и новых западных влияний существенно различались. Но в целом они явственно сочетались с последовательностью военно-государственного и хозяйственного освоения края.

В развитии Южного Средневожья можно выделить ряд существенно отличающихся друг от друга этапов. Но совершенно очевидно, что данный регион и лежащие ниже по Волге степные пространства после вхождения их в состав России длительное время являлись зоной фронта, пограничья. Их освоение оседлым земледельческим, промышленным населением и близкими к ним служилыми людьми «по прибору» было сопряжено с постоянно существовавшей угрозой нападения кочевых народов. Масштабная колонизация «Поля» могла осуществляться только при наличии ведущей роли государства в создании так называемых «всеобщих условий производства» (Милов, 1998, с. 561). Она базировалась прежде всего на использовании военно-административных методов, закреплявших новые территории с помощью городов-крепостей, засечных черт и линий, размещения по ним военных гарнизонов.

Об этом свидетельствует последовательное складывание в рассматриваемом пространстве различных полевых систем укреплений. Первую из них составляли «города», остроги и засечные черты волжского Правобережья по линии Тетюши – Алатырь и далее на запад; а также Левобережья по нижнему и среднему течению Камы конца XVI – начала XVII вв. В середине XVII в. строятся Саранская, Карсунская, Симбирская и Закамская засечные черты, продолжившие укрепления условно называемой Белгородско-Симбирской системы. Затем, в последней четверти XVII в., их должны были завершить Пензенская и запланированная, но так и не возведенная Сызранская засечные черты; а также совокупность «городов-крепостей», острогов и т. д. Наконец, в первой трети XVIII в. строятся Царицынская линия и в Заволжье «Черемшанские форпосты», Новая Закамская и Самарская линии. Такое «обилие» полевых фортификационных систем и локальных укреплений свидетельствует об особой значимости изучаемого региона для защиты юго-восточных рубежей европейской России и интенсивном процессе его военно-хозяйственного освоения.

Рассмотрим подробнее процесс формирования указанных выше объектов фортификации и их особенности. О каких-либо значимых укреплениях, существовавших на южных и юго-восточных границах Казанского ханства ко времени так называемого «Казанского взятия», мало что известно. Об этом свидетельствуют как исследования историков (Губайдуллин, 2019, с. 100–119, 188), так и описание проходившего с войском по этой территории А.М. Курбского, а также других внимательных наблюдателей того времени (Курбский, с. 33). Только во второй половине XVI в. здесь началось масштабное возведение русских городов-крепостей и засечных черт. Они составили относительно единую систему обороны от Волги под Тетюшами к Алатырю и далее на запад. Однако письменные источники о ней выявлены лишь фрагментарно. Земляные рвы и валы ее почти не сохранились, поэтому судить об их исходных размерах, геометрии, технологии сооружения крайне сложно. К тому же основную часть протяженности этих укреплений составляли засеки.

Но несомненно, что именно они, постоянно возобновляемые и достраиваемые, достаточно

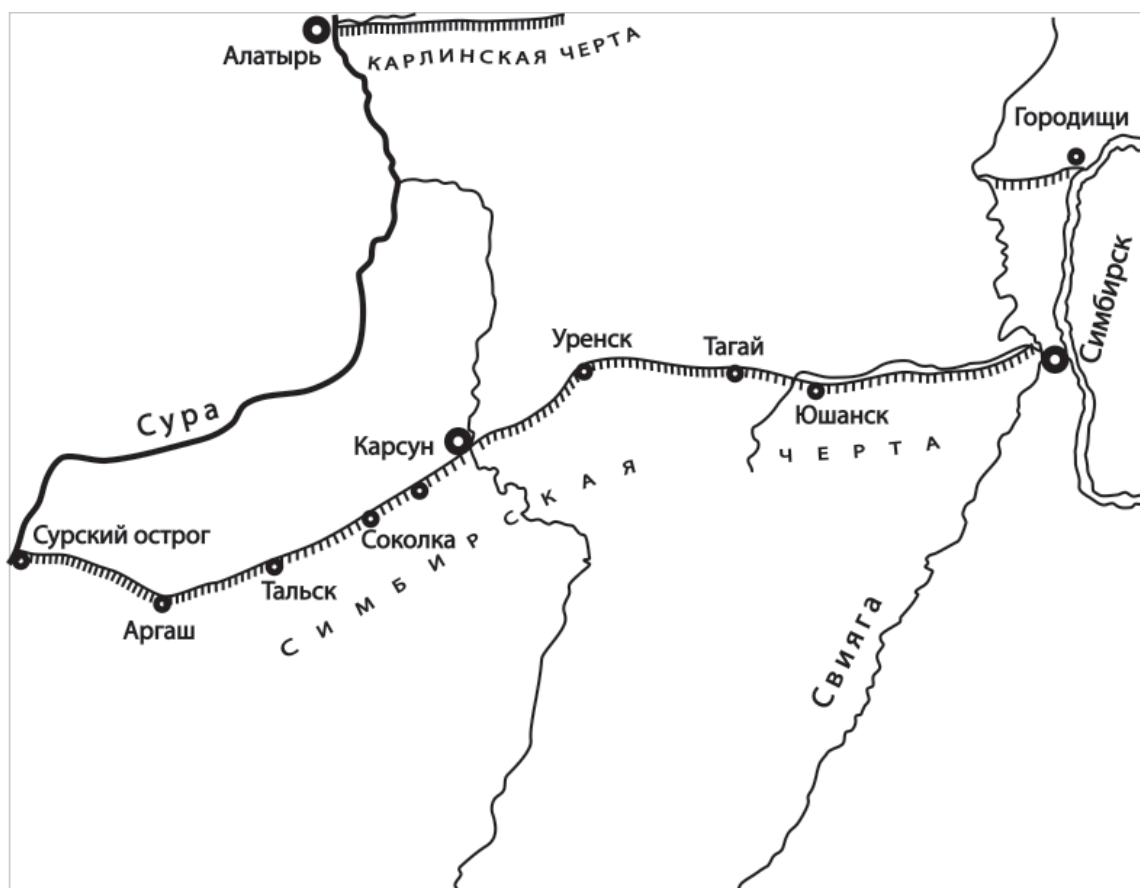

Рис. 1. Засечные черты Симбирского Правобережья (ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 48, л. 11).

Fig. 1. Zasechnaya fortification system of the Simbirsk area, adjoining the right bank of the Volga river (Materials from the study of the history and state of the Simbirsk abatis line (descriptions, schemes, information) (GAUO. F. R-3632. Inv. 1. D. 48, l. 11))

эффективно вплоть до середины XVII в. защищали новые юго-восточные рубежи. Однако в силу указанных выше причины попытки их реконструкции современными исследователями как единой системы обеспечения безопасности не дают положительных результатов. Можно сделать вывод, что данные полевые земляные укрепления имели меньшие размеры и более простое устройство, чем аналогичные сооружения, строившиеся позднее (Лебедев, 2006, с. 14–17, 58–64; Пашина, 2014, с. 146–176).

Новый этап сооружения засечных черт и локальных укреплений начался после неудачного завершения Смоленской войны. В конце 1630-х гг. государство приступило к реализации уникального проекта по созданию единой непрерывной системы фортификационных сооружений, защищавших весь юг и отчасти юго-восток европейской России. В Южном Средневолжье, находившемся под управлением приказа Казанского дворца, работы по

его осуществлению начались только в 1646 г. при Алексее Михайловиче. Новые засечные черты должны были продолжить далее на восток возведенные ранее Белгородскую, Тамбовскую и другие системы укреплений. Их создание закрепило за Россией лесостепь Предсурья и Волго-Сурского междуречья. Письменных источников о реализации данного проекта выявлено крайне мало. Однако сами земляные укрепления сохранились достаточно хорошо и позволяют исследователям выявить, картировать и реконструировать основные сооружения Саранской, Карсунской и Симбирской засечных черт (ГАУО. Ф. Р-3632, оп. 1, д. 74, л. 6–7, 37, 45; ГАУО. Ф. Р-3632, оп. 1, д. 48, л. 3–5). Важно то, что указанные засечные черты возводились по разработанному в начале правления Алексея Михайловича новым проектам полевой фортификации (Дубман, 2013, с. 301–304).

Следует согласиться с мнением В.П. Загоровского, что «с 1646 г. начинается второй

период в строительстве Белгородской черты, продолжавшийся до 1653 г. ... Сравнительно быстро заполняются пробелы, еще существующие между отдельными укреплениями. Уже в 1646–1647 гг. в общем определяются географические контуры будущей черты» (Загорский, 1969, с. 73). Характерно, что историк не включил в ее состав, как идентичную в фортификационном отношении, Закамскую черту, строившуюся в 1650-х гг.

Указанное выше утверждение Загорского необходимо дополнить и уточнить. Процессы, происходившие во «втором периоде» развития фортификации в России, имели более глубокий характер. Руководство страны посчитало необходимым соединить в единое целое укрепления Белгородской черты и других, продолживших ее на восток (Тамбовская и засечные черты в Мордовии). Одновременно было решено продлить систему укреплений далее за р. Суру вплоть до Волги, где ранее было «Поле». При этом по всей системе укреплений, возведенных ранее на юге и предполагаемых к сооружению на юго-востоке, было указано значительно усилить мощностъ древо-земляных укреплений и засек, а также увеличить численность гарнизонов.

Об этом свидетельствует составленная в 1680/81 г. «Выписка в Разряд о построении новых городов и черты». Она содержит краткий обзор истории фортификационного строительства в России в XVII в. В силу особой значимости данного документа приведем его основную часть без купюр: «И со 153 (1645 – Э.Д.) году... царь и великий князь Алексей Михайлович... указал, для покою христианскаго, черту строить по-прежнему указу отца своего... и по черте устроить прибавочные города и населить большим многолудством и земляной вал устроить больше прежнего, по размеру – в подошве в ширину 3 сажен, в вышину 2 сажен с четвертью и 2 сажен в своде, и подле валу с полевую сторону выкопать рвы, в глубину 2 и полторы сажени, в ширину 2 сажен, на 2 в своде полусажени, также и надолбы большия и стоялые острожки частые и лесные завалы и иныя многие крепости, где какие доведется». Особая значимость этой части источника очевидна. В ней приведен, видимо с небольшими сокращениями, царский указ. Второй раздел, свидетельствующий о его выполнении, вполне традиционен

и не содержит какой-либо значимой информации (Голомбиевский, 1892, с. 54–56).

Тем самым в начале правления Алексея Михайловича правительство признало неудовлетворительное качество предшествующей системы укреплений. Дополнительно, к стратегически верному решению завершить возведение единой целостной системы укреплений от границ с Речью Посполитой до Волги, были приняты важные поправки к проекту конца 1630-х – первой половины 1640-х гг. Они касались количества городов, пригородов и острогов, численности их гарнизонов, а также размеров полевых укреплений – валов, рвов, засек, крепостных и острожных сооружений и т. д. Несомненно, что все это привело к резкому удорожанию строительных работ. Работы возлагались на три приказа: Разрядный (Белгородская черта), Большого Дворца (Тамбовская черта) и Казанский приказ (отвечавший за прочие укрепления к востоку). Очевидно, что данное решение нельзя было принять без Б.И. Морозова, игравшего в это время ведущую роль в правительстве.

Еще одним свидетельством пересмотра требований к фортификации засечных черт были действия посланного для руководства строительными работами на территориях, подведомственных Казанскому приказу, стольника Б.М. Хитрово (с 1647 г. – окольничего). Под его руководством были перестроены ранее возведенные Керенская и частично Атемарская (Атемаро-Саранская, или Саранская) черты, а также возведены Карсунская и Симбирская. Характерно, что за три года пребывания в регионе (1646 – осень 1648) Хитрово успел принять участие в сооружении всех указанных систем укреплений. Видимо, он начинал их строительство по новым, принятым в центре параметрам, а затем передавал частично возведенные сооружения для продолжения другим «горододельцам». Скорее всего, именно Хитрово являлся доверенным человеком Б.И. Морозова (Селезнева, 1987, с. 78–87), лучше других понимавшего необходимость возведения мощной, единой для всего европейского юга и юго-востока страны системы укреплений.

Ее сооружения, вплоть до наших дней, являются уникальным памятником русского фортификационного зодчества эпохи позднего Средневековья. Их создание и расселение по ним служивых приборных людей

обеспечили защиту и интенсивное освоение новых плодородных земель (Лебедев, 2006, с. 34–41; Буканова, 1999). При этом отметим две характерные особенности. Практически все приборные люди получили наделы земли. Они составили значительную, а в начальный период освоения новых территорий преобладающую группу сельского земледельческого населения. При этом многие из них, особенно расселенные по Карсунской черте, представляли коренное население Среднего Поволжья (Региональные..., 2017, с. 30–33). Обследование новых засечных черт показывает хорошую их сохранность на участках сооружения земляных укреплений системы «ров – вал», а также «городов» и острогов.

Несколько позднее, в 1650-х гг., в Закамье, от устья Б. Черемшана к Каме, строится Закамская засечная черта, положившая начало массовому сельскому освоению лесостепного Заволжья. Исследователи считают, что ее фортификация во многом была близка укреплениям Симбирской, Карсунской, Белгородской и других засечных черт (Загоровский, 1969, с. 85; Буканова, 1981, с. 41–50). Однако при возведении этой черты не соблюдались требования, принятые в середине 1640-х гг. На Закамской черте более значительную роль играли засеки, строившиеся по старым образцам с гораздо меньшей глубиной защиты. На участках открытой, безлесной местности преимущественно устраивались «тарасные», а не земляные валы. При большей протяженности по сравнению с засечными чертами Правобережья Закамская имела меньшую численность гарнизонов. Видимо, она возводилась особо и не входила в указанную выше правительственную программу.

Более сложная ситуация с защитой Волго-Сурского междуречья сложилась в конце XVII – начале XVIII вв., когда возникла необходимость приступить к новому, третьему этапу колонизации южной лесостепи. Доведенную до Налуевской слободы, при резком развороте р. Суры на северо-восток, Пензенскую черту в 1680-х гг. должна была продолжить к Волге Сызранская система укреплений. Но она так и не была построена (Дубман, 2011, с. 326–332), а знакомство с основными элементами проекта ее возведения вызывает вопросы.

Сам проект черты, подготовленный под руководством симбирского воеводы М.А. Головина не сохранился. В общем виде он

получил отражение в указе от 23 декабря 1685 г., по которому следовало строить укрепления «...от Казачьих гор до Туруева городища и до реки Суры на семьдесят верстах на трехстах на сороке на дву сажнях. И по той новой черте сделать четыре городка...» (РГАДА. Ф. 210. Московский стол, столбцы, д., 674, л. 488).

Протяженность черты достигала около 152 км. Отметим, что ни Пенза, ни Сызрань не являлись конечными ее пунктами. Она должна была начинаться у «Казачьих гор» и идти до впадения в Суру р. Труев под Т(у)руевым городищем. Именно там Сура, резко развернувшись на восток, подходила ближе всего к Волге.

Обеспечить безопасность полутора сотен километров с помощью всего четырех городков было крайне сложно. Так, для защиты Симбирской черты протяженностью около 100 км были построены один «город» и три острога, а Карсунской – протяженностью до 110 км – два «города» и четыре острога (Крепости..., с. 36–39, 58–66). Следовательно, проектируемая Сызранская черта должна была опираться не менее чем на 6–8 городков и острогов. Чем была обусловлена такая экономия на количестве базовых пунктов обороны, неясно.

После отказа правительства от строительства черты местные власти пытались прикрыть междуречье Волги и Суры гарнизонами Сызрани (1683 г.), Кашпира (1687 г.) и ряда селений служилых людей. Но их явно не хватало для создания глубокой эшелонированной обороны от нападений кочевников.

В сохранившихся делах конца XVII в. служилые люди так описывали свои обязанности по защите этого водораздела: в «...той Сенигилеевской слободе и службы де они всякия Великаго Государя городовая и объездная служат и на нашу Великаго Государя службу ходят по очередь и ряду, по дважды в году, и в новопостроенном городе Сызрани и на Кашпире со своею братиею станичными казаками с Тетюш и Карлинска и стоят ради сбереженья от неприятельских людей попеременно и в проезжая, подзорная станицы по Симбирской и по Корсунской черте ездят безпрестанно...» (Красовский, 1902, с. 2–3). О том же сообщали «старожилы» Дмитриевска в своей челобитной середины XVIII в.: «по строении города, за неимением в то время

Царицынской линии, от набегов Кубанских имели неусыпные в службе труды и всеусердное по присяжной, своей должности старание» (Перетяткович, 1882, с. 250).

Позднее, характеризуя построенные в конце XVII в. в междуречье Волги и Дона Петровск, Павловск и Дмитриевск (ныне Камышин), отдельные исследователи допускают, что, возможно, правительство хотело создать, опираясь на них, новую засечную черту. Наиболее обоснованно, к сожалению, не приводя конкретных данных, об этом пишет Г.И. Перетяткович (Перетяткович, 1882, с. 246–247). Все указанные «городки-крепости» строились в одно время с работами на Волго-Донском канале. Очевидно, что для обеспечения безопасного судоходства по каналу рядом с ним следовало создать укрепленный район. Его основой могли стать указанные «городки» с военными гарнизонами и селениями работающих людей, обслуживающих прохождение судов.

Какое-то время относительно спокойную ситуацию в междуречье Волги и Дона позволяло сохранять поражение Турции под Азовом, строительство Таганрога и других военных объектов. Начавшееся сразу после «Азовского взятия» сооружение Волго-Донского канала в 1697–1701 гг., сборы на его строительство большого количества рабочих и служилых людей также сыграли важную роль в предотвращении набегов в пространстве между Волгой, Доном и Сурой (Перри, 1871, с. 3, 58–59). Но обострение отношений между Россией и Турцией, поражение в Прутском походе 1711 г. резко изменили баланс сил в регионе. Османская империя перешла к активным военным действиям, вылившимся в турецко-русскую войну (1710–1713 г.) (Артамонов, 2019).

Петр I осознавал всю опасность ситуации, складывающейся на юге. В начале 1712 г. был принят ряд указов под общим названием «Разположении о Украине в будущую компанию». Царь требовал срочно укрепить гарнизоны в малороссийских городах за счет военных сил, размещенных в Казанской и Азовской губерниях: «Для охранения Украины быть губернатору казанскому (П.М. Апраксину – Э.Д.), а с ним полкам Азовской губернии всем, оставя только гарнизоны...» (кроме того, в помощь к ним было указано перевести 15000 калмыков и 5000

донских казаков) (Письма..., т. 12, ч. 1, с. 19–20).

Однако эти и другие действия дали всего лишь временный эффект. Даже завершение русско-турецкой войны 1710–1713 гг. и последовавшее в 1714 г. межевание границы между двумя государствами окончательно не стабилизировали обстановку (Артамонов, 2019, с. 393–399). Апогеем тяжелейшей ситуации в междуречье Волги и Дона стал Кубанский поход 1717 г., нанесший огромный ущерб населению волжского Правобережья вплоть до Пензы, Сызрани и Симбирска (Лавринова, 2012, с. 33).

Это «разорение» вынудило разместить в октябре – ноябре 1717 г. между Пензой и Саратовом четыре драгунских полка под командованием бригадира Г.С. Кропотова. Указом Петра I ему было поручено решить две задачи:

– «...быть им тамо для бережения от приходов татарских, ...и стоять ему меж Саратова и Пензы...»;

– «Сделать черту от Дмитровскаго к Илавле и к Дону, или от Царицына до Паншина по рассмотрению посланнаго, где работы будет меньше, а на Дону крепость в Паншине» (Полное..., т. 5, с. 518).

Размещение полков Кропотова «меж Саратова и Пензы» объяснялось тем, что именно там проходила граница оседлого расселения на Правобережье в начале XVIII в. Царь предполагал, что бригадир, построив Царицынскую линию, станет фактически наместником всей территории Южного Средневожья. Т.И. Лавриновой удалось выявить еще один именной указ Петра I от 31 января 1718 г. Основное содержание его было изложено в «сенатской справке» и более подробно отразило подход самодержца к строительству данной системы укреплений. Ее Петр сначала традиционно назвал «чертой», но далее по тексту указа перешел на именование «линия», которое затем стало общепринятым в официальной документации. Указ предписывал Кропотову строить «вал и ров немалый... укладывая дерном» и содержит указание «...по той линии в пристойных местах сделать небольшие крепости». Возведение новой системы укреплений находилось под постоянным контролем царя. Посланный к их «строению» инженер «из артиллерии» не обладал необходимыми навыками. Вскоре

Рис. 2. Царицынская линия (Лавринова, 2012, с. 89).
 Fig. 2. Tsaritsyn line (Lavrinova, 2012, p. 89).

его заменил более опытный в фортификации капитан А. де Кофенант. Под его началом и были осуществлены все проектные и инженерные работы на линии (Лавринова, 2012, с. 92).

История сооружения Царицынской линии в 1718–1720 гг. подробно рассмотрена Т.И. Лавриновой, С.А. Иванюком и другими исследователями (Лавринова, 2012, с. 25–40; Иванюк, 2021, с. 41–52). Поэтому, специально не останавливаясь на этой теме, приведем только особо значимое мнение известного специалиста по русской фортификации XVIII в. Ф.Ф. Ласковского. Характеризуя совокупность укреплений, возведенных при Петре I на южных и юго-восточных границах европейской России, тот приходит к выводу, что «ни одна из начатых Петром Великим крепостей не была надлежащим образом окончена в его царствование, хотя многие из них имели простое расположение и небольшой объем. Причиной того было тревожное положение России в продолжение всего царствования Петра, недостаток денежных средств, рабочих сил и искусных инженеров, наконец самые успехи Русских в войне, позволившие им заранее рассчитывать на счастливый исход этой борьбы». И далее историк пишет,

что в начале XVIII в. при введении новых европейских практик «русские не отказались от употребления и прежних средств – укреплённых линий и засек» (Ласковский, 1861, с. 219). С этими мнениями нельзя не согласиться. Именно такая эклектика наблюдалась при фортификационном обустройстве рассматриваемого региона, в том числе и Царицынской системы укреплений.

Построенная линия и размещение гарнизонов по ней позволили Кропотову заняться обеспечением безопасности Южного Средневожья. В 1720 г. он подал в Сенат проект о необходимости создания крупных войсковых групп на волжском Правобережье (между Пензой и Саранском, а также Керенском и Н. Ломовым) и в Заволжье (между Соком и Б. Черемшаном). Проект поддержал и утвердил сам Петр, еще раз подтвердивший генерал-майору задачу курировать указанный регион (Ласковский, 1861, ч. 2, с. 51–54).

Кропотов был хорошо знаком с этой местностью. Он не однажды бывал там и знал проблемы пограничья, ситуацию с постоянными столкновениями с кочевниками и волнениями башкир. Особую озабоченность у центральных и местных властей вызывал район формирования войсковой групп-

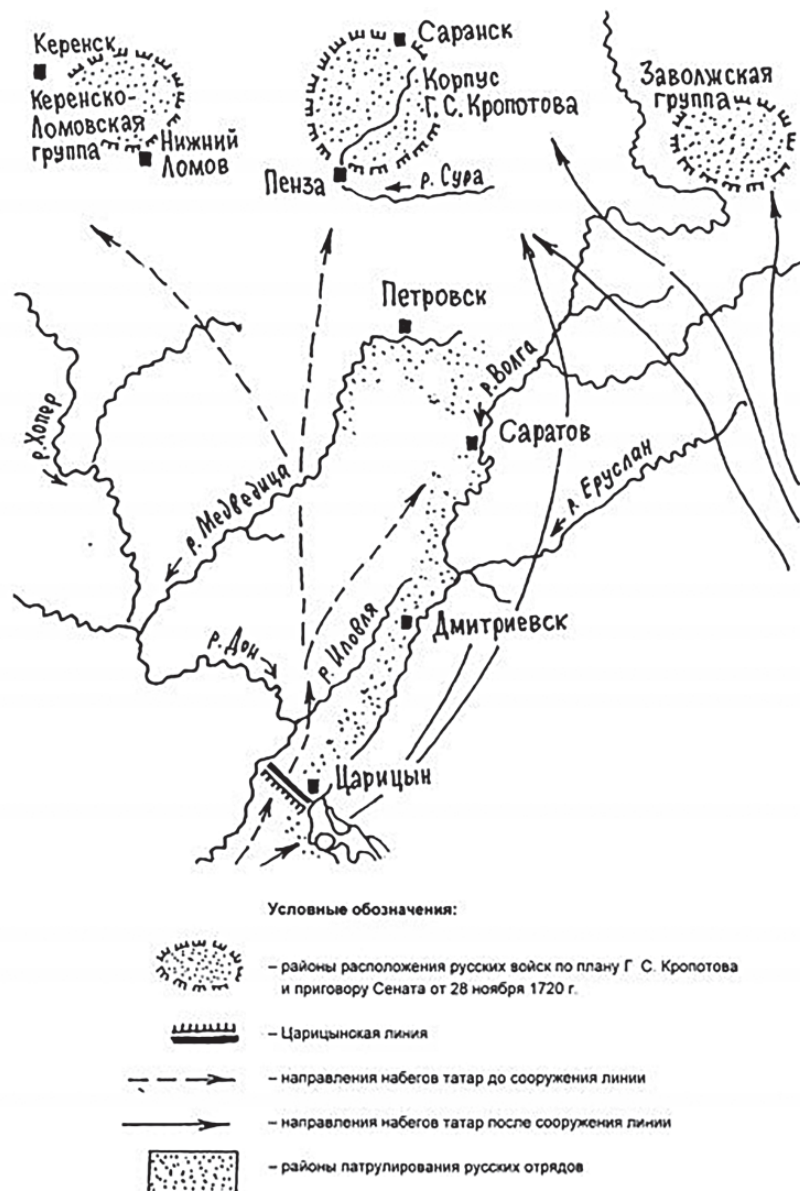

Рис. 3. Проект Г.С. Кропотова защиты юго-восточной окраины европейской России 1720 г. (Лавринова, 2012, с. 86).

Fig. 3. G.S. Kropotov's project for the defense of the southeastern outlying of European Russia in 1720 (Lavrinova, 2012, p. 86).

пы, защищавшей от нападений частично освоенную территорию Левобережья, включая и т. н. «Черемшанские форпосты». Под ними первоначально подразумевалась совокупность временных сезонных укреплений, располагавшихся по правому берегу Б. Черемшана (ниже Закамской черты), на которых несли сторожевую службу спускавшиеся каждую весну из Казани драгунские полки. Позднее под «форпостами» стали понимать более обширное пространство междуречья Б. Черемшана и Сока (Дубман, 2005, с. 17–20). Это была зона противостояния нападением

калмыков и киргизов-кайсаков, столкновений с башкирами.

События русско-турецкой войны, постоянные нападения кочевников и в конечном итоге реализация «царицынского» проекта Кропотовым способствовали изменению основного вектора направленности государственной политики в изучаемом регионе. Теперь инициатива по обеспечению его безопасности исходила от командования южной группировки войск, размещенной в Малороссии. Его влияние на процессы, происходившие в Нижнем Поволжье и Южном Средневожье, резко

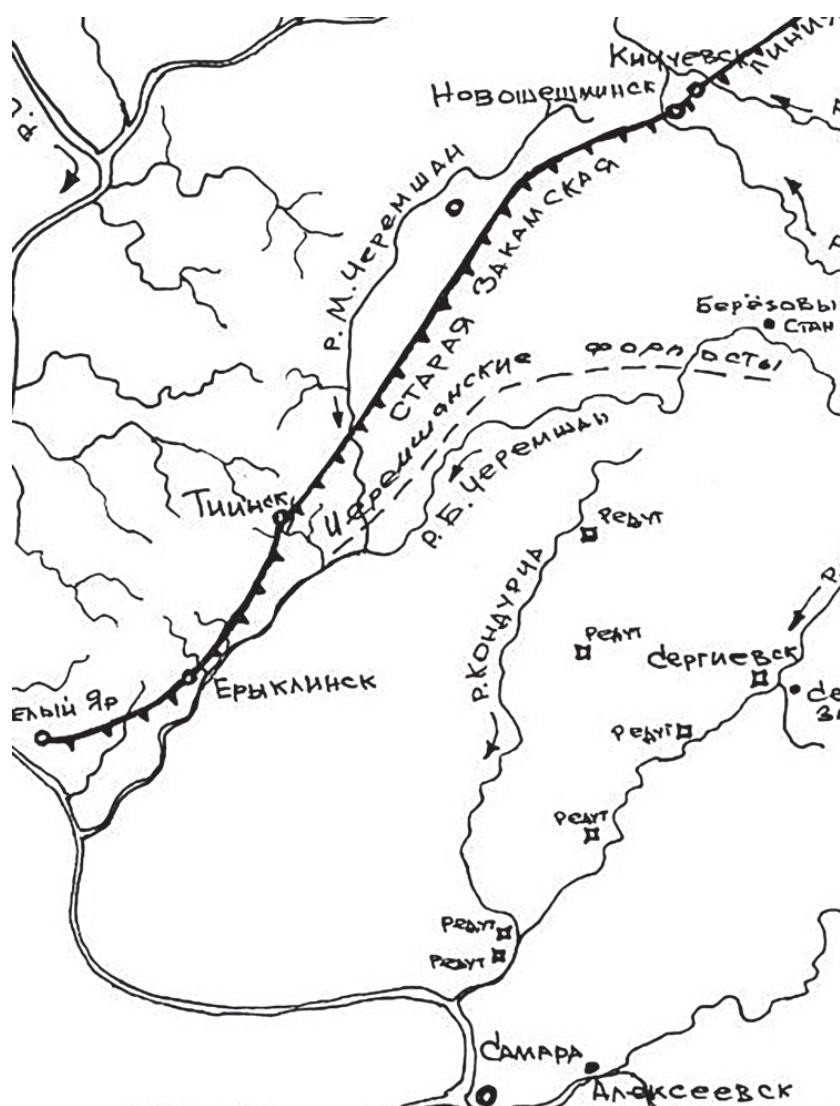

Рис. 4. «Старая» Закамская черта и Черемшанские форпосты в Заволжье (Дубман, 2005, с.19)
Fig. 4. “Staraya” Zakamskaya zasechnaya fortification system and Cheremshan outposts in the Trans-Volga region (Dubman, 2005, p. 19).

усиливается. Об этом свидетельствуют рапорты М.М. Голицына. Под его началом состояли Украинский корпус и полки ландмилиции в пространстве от Стародуба и Чернигова на Украине до «Черемшанских форпостов» и «старой» Закамской черты (Сборник..., 1891, вып. 79, с. 304–309).

На всей этой территории особая роль в разработке и осуществлении новых проектов принадлежала М.М. Голицыну, И.Б. Вейсбаху, Г.С. Кропотову и другим военачальникам. Именно они сыграли важнейшую роль в создании Царицынской линии, размещении войск на «Черемшанских форпостах», формировании ландмилиции и выдвижении идеи возведения Новой Закамской линии. По

мнению ряда историков, проект М.М. Голицына и И.Б. Вейсбаха конца 1720-х гг. включал в себя создание единой системы укрепленных линий. Они должны были защитить Украину (самая мощная из них – Украинская), более эффективно прикрыть междуречье Дона и Волги (ремонт и реконструкция Царицынской) и, наконец, выйти от восточных притоков Дона к Волге, а затем уже на Левобережье обезопасить все пространство до Камы (Новая Закамская). Проект последней линии оказался самым «неопределенным» и будущим руководителям Закамской экспедиции вместе с Военной коллегией пришлось долго его уточнять и дорабатывать. Последнее свидетельствует о

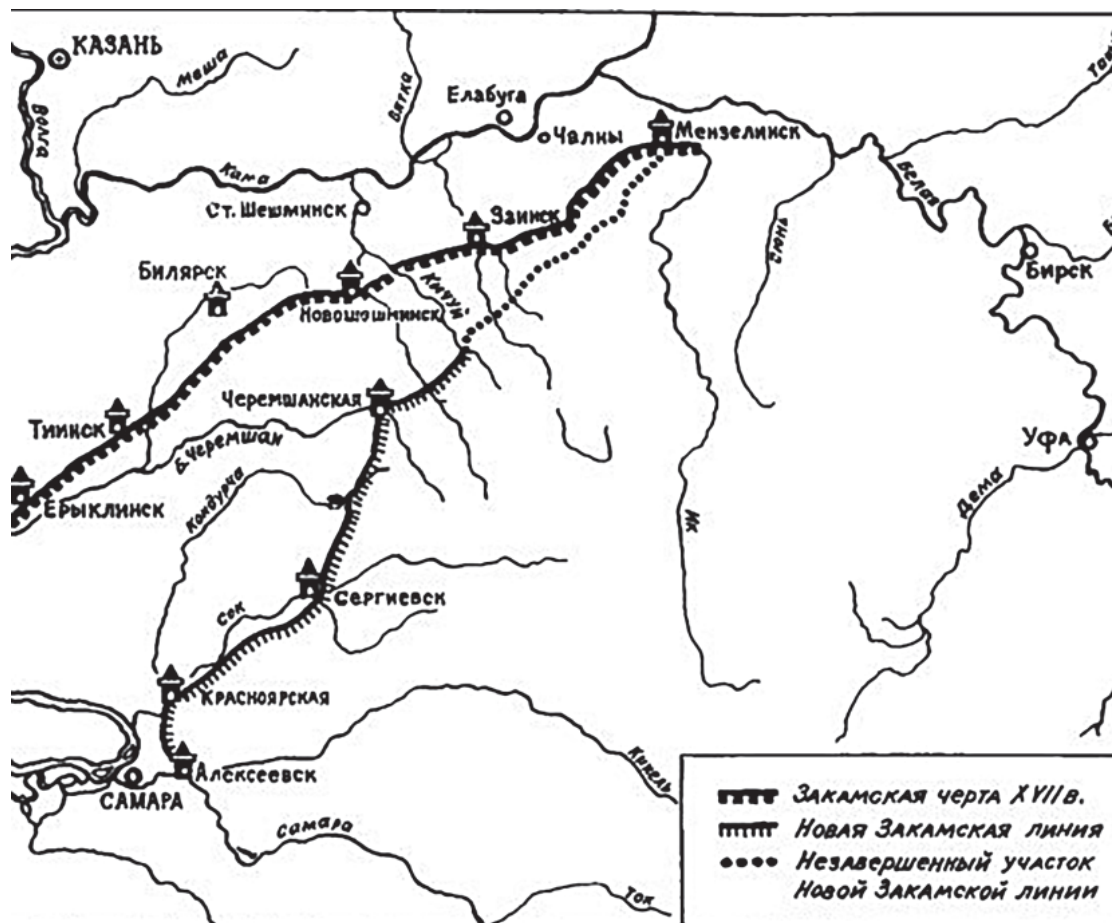

Рис. 5. Новая Закамская линия и Закамская черта (Буканова, 1997, с. 95)

Fig. 5. Novaya Zakamskaya line and Zakamskaya zasechnaya fortification system (Bukanova, 1997, p. 95).

слабом знакомстве «малороссийского» генералитета с Заволжьем.

В пользу данного вывода свидетельствует и то, что на протяжении 1720-х гг. военные части на «Черемшанских форпостах» возглавляли представители генералитета, присылаемые с юга, из «малороссийской» группировки войск (Г.С. Кропотов, позднее в 1728 г. А.Б. Шаховской, а затем в 1729–1731 гг. В.П. Шереметев (Дубман, 2005, с. 17–18, 31–34, 48–49).

Не будем специально останавливаться на истории возведения в Заволжье в 1730-х гг. Новой Закамской и Самарской линий. Эта тема уже рассматривалась в трудах ряда исследователей (Дубман, 2005; Смирнов, 1997).

Но, на наш взгляд, следует особо отметить сложившуюся ко времени их строительства последовательность эволюции фортификационного комплекса засечных черт и линий на территории изучаемого региона в конце XVI в. – 1730-х гг. Так, засечные черты Южного Средневожья середины XVII в., входившие в состав Белгородско-Симбирской системы

укреплений, представляли собой классический вариант русского фортификационного зодчества эпохи позднего Средневековья. Они вполне логично завершили эволюцию начальных полевых укреплений конца XVI – первой половины XVII вв. Царицынскую линию 1718–1720 гг. в этом отношении можно назвать переходной. Отечественные приемы оборонительного зодчества при ее возведении эклектично сочетались с образцами западноевропейской фортификации. Украинская и Новая Закамская линии стали своеобразным примером западноевропейского влияния в строительстве полевых оборонительных сооружений.

Но уже при сооружении Самарской линии в середине 1730-х гг. российские инженеры, возведя так называемую «живую линию», во многом отказались от прямого следования принципам западной фортификации.

Рассмотренные засечные черты и линии оставили свой знаковый след в облике изучаемого региона и в исторической памяти его

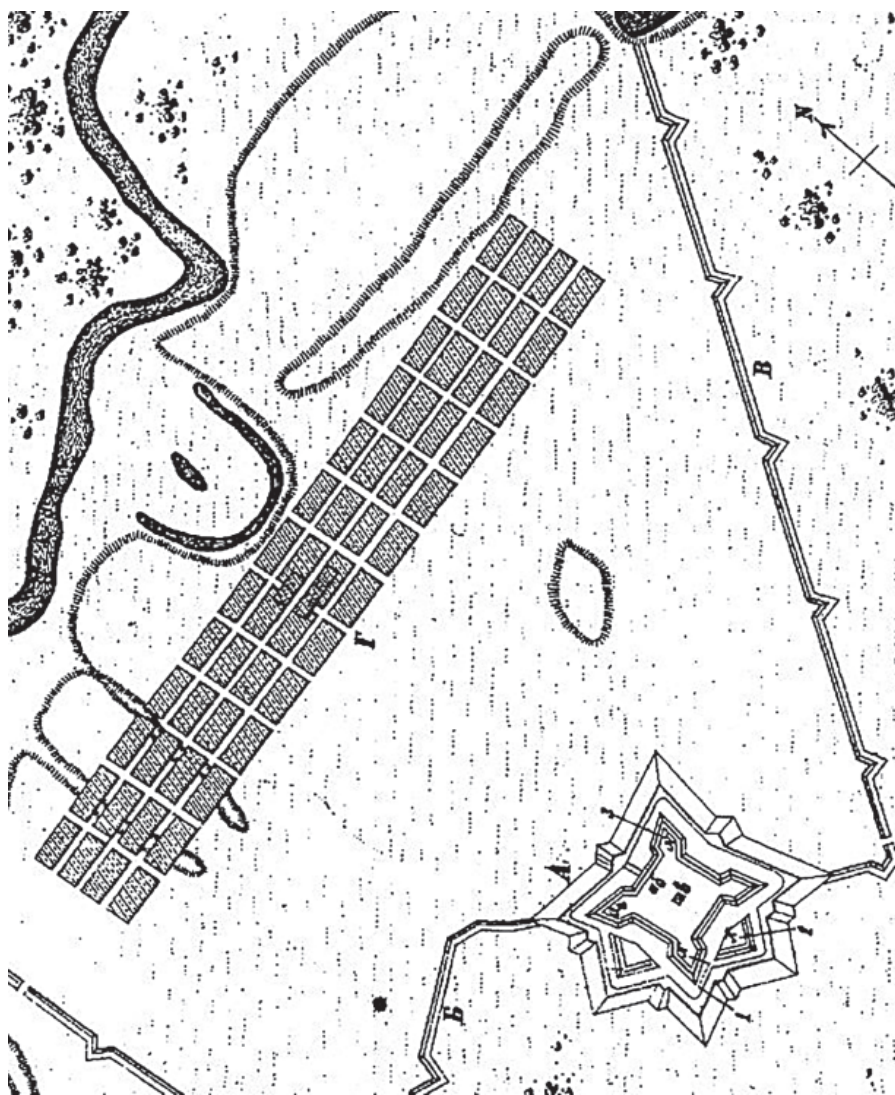

Рис. 6. План крепости Красноярской и ландмилиционной слободы на Новой Закамской линии. (Ласковский, 1865, л. 8)

Fig. 6. Plan of the Krasnoyarsk fortress and land militia settlement on the Novaya Zakamskaya line (Laskovsky, 1865, l. 8)

населения. В настоящее время в нашей стране все в большей степени осознается значимость дальнейшего изучения, сохранения, музеефикации и популяризации памятников фортификационного зодчества как важной составляющей отечественной истории и культуры, самоидентификации российского социума.

В связи с этим кратко отметим степень сохранности и презентабельности указанных выше памятников фортификации. Результаты полевых исследований свидетельствуют о том, что для Южного Средневолжья сравнительно хорошо сохранились земляные укрепления Новой Закамской линии, а также Симбирской, Карсунской и отчасти «старой» Закамской засечных черт. Об этом позволяют

судить также итоги проведенных на современном техническом уровне топографических работ. В частности, отметим выполненную самарскими исследователями в течение полевых сезонов 2012 и 2020 гг. топосъемку сооружений Новой Закамской линии, охватившую более 150 км ее протяженности. Полученные результаты позволили уточнить размеры и конфигурацию укреплений, выявить масштабы разрушений от хозяйственной деятельности, водной и ветровой эрозии (Дубман, 2021, с. 744–748).

Большой интерес представляют проведенные архитекторами реконструкции деревянных крепостей и острогов Закамской и Симбирской засечных черт (Назарова, 2008,

с. 39–44; Назарова, 2009, с. 1–24). В их основу легли данные делопроизводства середины XVII – начала XVIII вв. Намного сложнее судить о фортификационных сооружениях из дерева линий, построенных в 1730-х гг. На них почти полностью преобладали земляные укрепления, деревянные играли только вспомогательную роль. В данном случае следует отметить работу Т.В. Вавилонской, в 2021 г. создавшей графическую реконструкцию земляной Красноярской крепости Новой Закамской линии.

Несмотря на немногочисленность таких примеров, можно все же считать, что уже

сейчас появляется возможность начать работу над проектами создания музейного комплекса рассмотренных выше уникальных объектов.

Подводя итоги рассмотрению данной темы, можно сделать вывод, что анализ сохранившихся фортификационных комплексов региона позволяет получить новые важные результаты о состоянии и развитии системы его укреплений. Тем самым появилась возможность выработать более определенное представление о проходивших в его пространстве процессах начального периода военно-государственного и хозяйственного освоения т. н. эпохи «фронта».

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов В.А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М.: Кучково поле, 2019. 448 с.

Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века: сравнение ее укреплений с укреплениями Белгородской черты в Воронежском крае // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.) / Ред. В.П. Загоровский и др. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1981. С. 41–50.

Буканова Р.Г. Города-крепости Юго-Востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с.

Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. Уфа: Башк. ун-т, 1999. 148 с.

Голомбиевский А. Выписка в Разряд о построении новых городов и Черты (1719–1761 г.) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XXXIII, Тамбов, 1892. С. 54–56.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. / Археология Евразийских степей. 2019. № 3. 322 с.

Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара: Самарский университет, 2005. 196 с.

Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3 (2), С. 326–332.

Дубман Э.Л. Строительство Карсунской и Симбирской черт как составной части единой системы укреплений европейской лесостепи России // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции (г. Москва, 21–23 ноября 2013) / Ред. Л.В. Янин. М.: МГУ, 2013. С. 300–305.

Дубман Э.Л. Использование современных технологий в изучении и популяризации уникальных фортификационных сооружений Юго-Востока европейской России // Человек в информационном обществе. Сборник материалов научно-практической международной конференции, посвященной 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина (г. Самара, 28–30 апреля 2021 г.) / Ред. А.Ю. Нестеров и др. Самара: Самарский университет, 2021. С. 744–748.

Загоровский В.П. Белгородская линия. Воронеж: Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.

Иванюк С.А. Фортификационные особенности оборонительных сооружений Царицынской сторожевой линии в 20-х гг. XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. № 1 (26). С. 41–52.

Красовский В.Э. Столетие города Сенгилея (Краткий исторический очерк). Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1, 1902. 26 с.

Крепости городов Поволжья и Приуралья в конце XVII – начале XVIII века / Отв. ред. В.Д. Кочетков. Чебоксары: Новое Время, 2022. 204 с.

Курбский Андрей. История о делах великого князя Московского. М.: Наука, 2015. 942 с.

Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования. Волгоград: Издатель, 2012. 95 с.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 2. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1861. 972 с.

Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных черт. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. 124 с.

Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI-XVIII вв. / К.И. Могилевский и др. М.: Кучково поле, 2022. 388 с.

Материалы исследования истории и состояния Симбирской засечной черты / ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 48. 29 л.

Материалы исследования и состояния Карсунской засечной черты (описания, схемы, карты, справки). / ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 74. 60 л.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

Назарова И.В. Архитектурно-пространственная организация оборонительно-крепостных комплексов Волго-Камья середины XVI–XVII вв. Автореф. дисс. ... канд. архитектуры. Н.-Новгород, 2009. 24 с.

Назарова И.В. Опыт реконструкции архитектурно-пространственной структуры крепости Белый Яр середины XVII века // Известия КГАСУ. 2008. №1 (9). С. 39–44.

Пашина Е.В. Из истории Старой Тетюшской (Карлинской) и Новой Тетюшской засечных черт (вторая половина XVI – середина XVII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ЯЗ; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 146–175.

Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края). Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. [2], IV, 400, III с., 1 л.

Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871. VIII, 196 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12, ч. 1. (январь-июнь. 1712 г.) / Ред. Л.Г. Бескровный, Б.Б. Кафенгауз, Л.А. Никифоров. М.: Наука, 1975. 590 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. 5: 1713-1719. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. 780 с.

РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Оп. 11 Д. 674.

Региональные аспекты формирования российской нации в XVII – начале XXI в. (по материалам Поволжья) / Отв. ред. О.В. Ягов, О.В. Сухова. Пенза: ПГУ, 2017. 520 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 79 / Ред. Н.Ф. Дубровин. СПб: Тип. И.Н. Скороходова, 1891. 656 с.

Селезнева А.И. Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово // ВИ. 1987. № 1. С. 78–87.

Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара: Самарский университет, 1997. 190 с.

Тихонов В.Н. Военная коллегия России при Петре Великом в первые годы своего существования: 1719–1720 гг. М., 2016. 403 с.

Информация об авторах:

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (г. Самара, Россия); dubmane@mail.ru

REFERENCES

Artamonov, V. A. 2019. *Turetsko-russkaya voyna 1710–1713 gg. (The Russo-Ottoman War of 1710–1713)*. Moscow: “Kuchkovo pole” Publ. (in Russian).

Bukanova, R. G. 1981. In Zagorovsky, V. P. et. (eds.). *Voronezhskiy kray na yuzhnykh rubezhakh Rossii (XVII–XVIII vv.) (Voronezh region on the southern borders of Russia (XVII–XVIII centuries)*. Voronezh: Voronezh State University, 41–50 (in Russian).

Bukanova, R. G. 1997. *Goroda-kreposti Yugo-Vostoka Rossii v XVIII veke. Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii (Fortress-towns of South-East Russia in the 18th century. History of the formation of towns on the territory of Bashkiria)*. Ufa: “Kitap” Publ. (in Russian).

- Bukanova, R. G. 1998. *Zakamskaya cherta XVII veka (Zakamskaya Zasechnaya fortification system of the XVII century)*. Ufa: Baskir State University (in Russian).
- Golombievsky, A. 1892. In *Izvestiya Tambovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Bulletin of the Tambov Scientific Archival Commission)*. XXXIII, 54–56 (in Russian).
- Gubaidullin, A. M. 2019. *Fortifikatsiia v Srednem Povolzh'e v X – pervoi polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)*. Series Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 3 (in Russian).
- Dubman, E. L. 2005. *Novaya Zakamskaya liniya: sud'ba, proekt, stroitel'stvo (Novaya Zakamskaya line: fate, project, construction)*. Samara: Samara State University (in Russian).
- Dubman, E. L. 2011. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* vol. 13, no. 3 (2), 326–332 (in Russian).
- Dubman, E. L. 2013. In Yanin, L. V. (ed.). *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya (Rus, Russia: The Middle Ages and Modern Times)* 3. Moscow: Moscow State University, 300–305 (in Russian).
- Dubman, E. L. 2021. In Nesterov, A. Yu. et. al. (eds.). *Chelovek v informatsionnom obshchestve (Man in the information society)*. Samara: Samara State University, 744–748 (in Russian).
- Zagorovsky, V. P. 1969. *Belgorodskaya liniya (Belgorod line)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
- Ivanyuk, S. A. 2021. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 1 (26), 41–52 (in Russian).
- Krasovsky, V. E. 1902. *Stoletie goroda Sengileya (Kratkii istoricheskii ocherk) (Centenary of Sengiley town (A brief historical outline))*. Simbirsk: Printing house of A. and M. Dmitriev (in Russian).
- Kochetkov, V. D. 2022. (ed.) *Kreposti gorodov Povolzh'ya i Priural'ya v kontse XVII – nachale XVIII veka (Castles of the cities of the Volga region and the Urals at the end of the XVII – beginning of the XVIII century)*. Cheboksary: “Novoye Vremya” Publ. (in Russian).
- Kurbsky Andrey. 2015. *Istoriya o delakh velikogo knyazya Moskovskogo (The story of the deeds of the Grand Duke of Moscow)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Lavrinova, T. I. 2012. *Tsaritsynskaya liniya: istoriya stroitel'stva v 1718–1720 i pervye gody sushchestvovaniya (Tsaritsyn line: the history of construction in 1718-1720 and the first years of existence)*. Volgograd: “Publisher” Publ. (in Russian).
- Laskovsky, F. 1861. *Materialy dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Materials on the History of Engineering in Russia)*. Part 2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Lebedev, V. I. 2006. *Legenda ili byl'. Po sledam zasechnykh chert (Legend or true story. On the traces of the Zasechnaya lines)*. Penza: “GUMNITS” Publ. (in Russian).
- Mogilevsky, K. I. et al. 2022. *Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pograniich'ya Rossii XVI-XVIII vv. (Lines of Growth. Monuments of the Historical and Cultural Heritage of the Borderlands of Russia in the 16th-18th Centuries)*. Moscow: “Kuchkovo pole” Publ. (in Russian).
- Materialy issledovaniya istorii i sostoyaniya Simbirskoy zasechnoy cherty (Materials of the study of the history and state of the Simbirsk Zasechnaya fortification system)*. State Archive of the Ulyanovsk region. F. R-3632. Inv. 1, dossier 48 (in Russian).
- Materialy issledovaniya i sostoyaniya Karsunskoy zasechnoy cherty (opisaniya, skhemy, karty, spravki) (Materials of the study and conditions of the Karsun Zasechnaya fortification system (descriptions, schemes, maps, information))*. State Archive of the Ulyanovsk region. F. R-3632. Inv. 1, dossier. 74 (in Russian).
- Milov, L. V. 1998. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa (Great Russian Plowman and Features of Russian Historical Process)*. Moscow: “ROSSPEN” Publ. (in Russian).
- Nazarova, I. V. 2009. *Arkhitekturno-prostranstvennaia organizatsiia oboronitel'no-krepostnykh kompleksov Volgo-Kam'ia serediny XVI–XVII vv. (Architectural and Spatial Organization of the Defensive and Fortification Complexes of the Volga-Kama Region in the mid-16th – 17th cc.)*. Thesis of Diss. of Candidate of Architecture. Nizhniy Novgorod (in Russian).
- Nazarova, I. V. 2008. In *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta (Proceedings of the Kazan State University of Architecture and Engineering)* 9 (1), 39–44 (in Russian).

Pashina, E. V. 2014. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya (From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region)* 4. Kazan: "Yaz" Publ.; Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 146–175 (in Russian).

Peretyatkovich, G. 1882. *Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka: (Ocherki iz istorii kolonizatsii kraya) (Volga region in the XVII and at the beginning of the XVIII centuries: (Essays from the history of colonization of the region))*. Odessa: typ. P.A. Zelenogo (former G. Ulrich) (in Russian).

Perry, J. 1871. *Sostoyanie Rossii pri nyneshnem tsare (The state of Russia under the present tsar)* VIII. Moscow: Society of history and antiquities of Russia at Moscow university (in Russian).

Beskrovny, L. G., Kafengauz, B. B., Nikiforov, L. A. (eds.). 1975. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo (Letters and papers of Emperor Peter the Great). Vol. 12, part 1*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

1830. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection)* V. Saint Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (The Russian State Archive of the Ancient Documents). Fund 210. Moskovskiy stol. Stolbtsy (Moscow Stol. Columns), Inv. 11, dossier 674 (in Russian).

Yagov, O. V., Sukhova, O. V. (eds.) 2017. *Regional'nye aspekty formirovaniya rossiyskoy natsii v XVII – nachale XXI v. (po materialam Povolzh'ya) (Regional aspects of the formation of Russian nation in the XVII – early XXI century (based on the Volga region materials))*. Penza: Penza State University (in Russian).

Dubrovin, N. F. 1891 (ed.). *Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of Papers of the Imperial Russian Historical Society)* 79. Saint Petersburg: "I.N. Skorokhodov" Publ. (in Russian).

Selezneva, A. I. 1987. In *Voprosy istorii (Issues of History)* 1, 78–87 (in Russian).

Smirnov, Yu. N. 1997. *Orenburgskaya ekspeditsiya (komissiya) i prisoedinenie Zavolzh'ya k Rossii v 30-40-e gg. XVIII veka (Orenburg expedition (commission) and the annexation of the Trans-Volga region to Russia in the 30–40s of the XVIII century)*. Samara: Samara State University (in Russian).

Tikhonov, V. N. 2016. *Voennaya kollegiya Rossii pri Petre Velikom v pervye gody svoego sushchestvovaniya: 1719–1720 gg. (The Military Collegium of Russia under Peter the Great in the first years of its existence: 1719–1720)*. Moscow (in Russian).

About the Author:

Dubman Eduard L., Doctor of Historical Sciences, Professor, Samara National Research University. Moskovskoye shosse, str., 34 Samara, 443086, Russian Federation; dubmane@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2023 г.
Статья принята к публикации 01.12.2023 г.